

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–11

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-4-11>, EDN: EEJGAI

Научная статья

УДК 930(470+571)|18/20|:355.48|1733/1735|

Война за польское наследство в отечественной историографии XIX – начала XXI века

К. Н. Станков

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Станков Кирилл Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, stankov11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0000-5056-225X>, AuthorID: 745052

Аннотация. В данной статье показана эволюция представлений о Войне за польское наследство в отечественной историографии, начиная с появления первых работ по этой проблеме в XIX в. и до самых последних исследований. Автор приходит к выводу, что в развитии изучения данной темы можно выделить три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский, каждый из которых характеризуется специфическими особенностями. В ходе изучения темы сделан общий вывод о необходимости написания на современном этапе обобщающей монографии о Войне за польское наследство, которая бы учитывала все имеющиеся на данный момент достижения в этой области.

Ключевые слова: Война за польское наследство, историография, отечественные исследователи, С. Лещинский, Б. Х. Миних, П. П. Ласси, Т. Гордон

Для цитирования: Станков К. Н. Война за польское наследство в отечественной историографии XIX – начала XXI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-4-11>, EDN: EEJGAI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The War of the Polish Succession in the Russian historiography of the XIX – early XXI century

K. N. Stankov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Science, 19 Dmitry Ulianov St., Moscow 117292, Russia

Kirill N. Stankov, stankov11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0000-5056-225X>, AuthorID: 745052

Abstract. The presented article shows the evolution of ideas about the War of the Polish Succession in Russian historiography, starting with the appearance of the first works on this problem in the XIX century and up to the most recent studies. The author concludes that three stages can be distinguished in the development of the study of this topic: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet, each of which is characterized by specific features. During the study of the topic, a general conclusion was made about the need at the present stage to write a generalizing monograph on the War of the Polish Succession, which would take into account all currently available achievements in this field.

Keywords: The War of the Polish Succession, the Russian historiography, the Russian Investigators, S. Leshinsky, B. H. Minich, P. P. Leisy, T. Gordon

For citation: Stankov K. N. The War of the Polish Succession in the Russian historiography of the XIX – early XXI century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-4-11>, EDN: EEJGAI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первые отечественные работы о Войне за польское наследство 1733–1735 гг. написаны еще ее непосредственными участниками и современниками. Однако эти сочинения во многом носят мемуарный характер, и их стоит отнести скорее к источникам, чем к историографии. Научное осмысление проблемы началось, пожалуй, только с начала XIX в., что не в последнюю очередь было вызвано состоянием в то время польского вопроса и, как следствие, – появлением интереса российской читающей публики к его истокам, в частности, к событиям 1733–1735 гг.

Автор настоящей статьи не претендует на первенство в изучении этой темы, тем более что по ней имеется специальное исследование К. М. Белокова, в котором рассмотрено большинство работ дореволюционных историков, в разной степени затрагивавших в своих исследованиях Войну за польское наследство [1]. Целью данной публикации является не перечисление всех работ, касающихся этой тематики, а выделение наиболее знаковых фигур с точки зрения возникновения и развития представлений о Войне за польское наследство, формирования и эволюции основных подходов к ее освещению, изменения (или их отсутствия) восприятия войны историками XIX–XXI вв.

Историография этого международного конфликта, начиная с его возникновения, практически сразу разделилась на две основные ветви: одни работы были в большей степени посвящены описанию боевых действий и значению конфликта для развития русского военного искусства, другие авторы сосредоточились почти исключительно на дипломатической стороне вопроса и его роли в развитии системы международных отношений в Европе. Хотя современные специалисты по историографии проблемы утверждают, что в работах дореволюционных российских историков Война за польское наследство изложена в обобщающем виде [2], их анализ показывает, что историография периода Империи так же, как и современная, не стремилась к охвату всех сторон этого международного конфликта, и каждый автор касался преимущественно той сферы, которая была ему ближе и интереснее.

В 1823 г. вышла одна из первых работ о Войне за польское наследство, принадлежавшая перу флигель-адъютанта Д. П. Бутурлина. В основе его книги лежит солидная источниковая база: архивные материалы (к сожалению, автор не указывал, какие именно, ограничиваясь в подстрочнике фразой «Выписки из Архивов») и «Записки» полковника русской армии Х. Г. Манштейна, что, однако, не избавило автора от некоторых поверхностных оценок международного аспекта конфликта. Касаясь предыстории войны, Д. П. Бутурлин свел все его содержание к противостоянию отдельных европейских монархов и политиков. Так, вступление Версаля в войну историк объяснял тем, что «для сохранения чести Франции надлежало

приняться за оружие» [3, с. 8]. Излагая дипломатическую подоплеку вооруженного конфликта, Д. П. Бутурлин ограничился кратким и весьма общим пересказом позиций в польском вопросе наиболее влиятельных европейских держав. Историк ошибочно полагал, что у Станислава Лещинского не было поддержки в Польше, и своему избранию он был обязан лишь подкупом части ее политической элиты французским золотом [3, с. 17, 21–23]. Источники показывают, что ситуация была гораздо более сложной [4, с. 38]. Порой автор противоречит сам себе. Так, касаясь осады Данцига (Гданьска) в 1734 г., он отмечал, что С. Лещинский в Речи Посполитой «имел еще многочисленных приверженцев, возбуждавших мятежи» [3, с. 35].

Гораздо подробнее в книге изложена военная сторона вопроса. Со скрупулезностью офицера описаны боевые действия, а также роль в них различных военачальников, правда, преимущественно с русской стороны. Внимание уделено не только крупным баталиям, но и мелким стычкам и частным передвижениям войск. Вместе с тем Д. П. Бутурлин, рассматривая военные акции русских войск непосредственно в Польше, практически оставил вне сферы своего внимания операции в Литве [3, с. 88], а также на иных театрах войны (на Рейне, в Италии и других) [3, с. 31–32, 89–90], ограничившись кратким упоминанием о них. Кроме того, касаясь осады русскими и саксонскими силами Данцига в 1734 г., Д. П. Бутурлин сосредоточился всецело на сухопутных действиях, практически ничего не сообщая о морской войне [3, с. 75–79].

В то же время Д. П. Бутурлину принадлежит немало ценных наблюдений. Так, например, он обратил внимание, что с обеих сторон в Польше велась малая война, которая причиняла особо сильный урон мирному населению [3, с. 35]. Этот же автор одним из первых предпринял попытку доказать несправедливость обвинений русским двором генерал-поручика П. П. Ласси в медлительности и нерешительности. Действия русского главнокомандующего в Польше историк объяснял обстоятельствами войны: невозможностью собрать все подчиненные ему войска вследствие их вынужденной распыленности по территории противника, который начал вести партизанскую войну, и мощью укреплений Данцига, которые, учитывая уровень военной техники того времени, было непросто сокрушить [3, с. 34–44]. Свой тезис о храбости Ласси Д. П. Бутурлин подтверждает в другом месте своего обширного труда, приводя сведения о сражении при Висичине (1734 г.), в котором генерал-ирландец, располагая всего 3 тыс. драгун и казаков, наголову разбил 8-тысячный польский корпус. Историк особо подчеркивает, что русские в этой баталии потеряли убитыми только 1 солдата, в то время как на поле битвы полегло около тысячи конфедератов [3, с. 57–59]. В отличие от последующих авторов,

при описании этой войны в основном концентрировавшихся на осаде русскими войсками Данцига в 1734 г., он подробно останавливается на военной кампании в Польше 1735 г. [3, с. 91–110].

В конце XIX в. появилось несколько обобщающих работ по истории русской армии и флота. Так, Д. Ф. Масловский в своих «Записках по истории военного искусства в России» уделил немного внимания Войне за польское наследство. Его очерк ограничивается общими сведениями. Заслуживает внимания подробное описание местности Данцига, способствовавшей усилению его оборонспособности, а также четко расписанный состав войск противоборствующих сторон [5, с. 191–193]. Герой Д. Ф. Масловского – генерал-поручик П. П. Ласси [5, с. 177–178]. Он впервые подчеркнул, что силы сторонников Лещинского в Данциге в 5 раз численно превосходили осаждавших [5, с. 201]. О Б. Х. Минихе историк писал, что, отправляясь под Данциг, он «не имел определенного плана действий, не обратил внимания на представления Ласси» и вообще «разсчитывал одним ударом покончить с Гданьском» [5, с. 193]. Д. Ф. Масловский скромно оценивал военные успехи Б. Х. Миниха и был первым, кто описал бедственное положение русской армии под Данцигом в 1734 г., пока морская эскадра под командованием адмирала Т. Гордона не доставила боеприпасы и тяжелую осадную артиллерию [5, с. 194–195]. Д. Ф. Масловский впервые отметил, что в результате неудачного штурма Гагельсберга была потеряна почти половина русской армии, стоявшей под Данцигом [5, с. 199–200]. Успех побега Лещинского из Данцига Д. Ф. Масловский также приписал отсутствию бдительности со стороны Б. Х. Миниха, так как не было организовано патрулирование на лодках водных артерий, омывающих город, прежде всего берегов Вислы, и отсутствовала организованная проверка постов [5, с. 201]. В целом же успех русской армии под Данцигом Д. Ф. Масловский всецело относил к «полной неспособности Станислава Лещинского» [5, с. 201]. Кроме того, он приводит немало примеров успешного командования русскими войсками Ласси [5, с. 195–200]. В то же время Д. Ф. Масловский сообщал интересные детали о военных действиях в других частях Польши, отсутствующие в работах его предшественников, но, к сожалению, не указал при этом использованные им источники [5, с. 195–197].

В отличие от Д. Ф. Масловского, Н. И. Костомаров всячески превозносил Б. Х. Миниха, который, по его словам, с поступления на царскую службу «стал всецело принадлежать России, и его имя вступило в ряд имен знаменитых деятелей в русской истории» [6, с. 142]. Отмечал историк и то, что для фельдмаршала-немца участие в войнах России являлось больше вопросом политическим: «Миних понял, что он попал в такую страну, где нет ничего прочного, и попытался обеспечить себя новыми кондициями» [6, с. 147].

В целом же Н. И. Костомаров не внес ничего принципиально нового в изучение Войны за польское наследство, ограничиваясь весьма кратким пересказом уже известного материала [6, с. 152–154].

Известный русский историк Н. Г. Устрялов подчеркивал, что все беды Польши в конечном счете происходят не столько из-за внешнего вмешательства, сколько из-за ее внутреннего политического устройства [7, с. 542]. Вступление в Войну за польское наследство Франции он был склонен объяснять субъективными и этическими факторами. В частности, Н. Г. Устрялов отмечал: «Версальский кабинет посчитал для себя стыдом» отказать С. Лещинскому в помощи и потому выступил против Австрии [7, с. 544].

Традиции изучения дипломатической истории Войны за польское наследство заложены Н. Н. Бантыш-Каменским. Подробно описывая изменения в системе международных отношений, последовавшие за польским кризисом, он весьма скрупультно освещал события самой войны, что, впрочем, нельзя вменить великому историку в вину, так как это и не являлось задачей его фундаментального труда. Его «Обзор внешних сношений России (по 1800 год)» представляет собой интерес, прежде всего, в силу того, что в нем впервые систематически показаны отношения России со всеми наиболее крупными игроками в Европе [8–10].

В. И. Герье посвятил специальное исследование дипломатической борьбе за польский престол в 1733 г. Уже в заголовке подчеркивался фундаментальный характер его труда: «Историческая диссертация, составленная по архивским источникам» [11]. Он подробно рассматривал внутреннюю ситуацию и внешнеполитические позиции всех наиболее значительных стран-участниц войны. В книге предложен непревзойденный до сих пор, по крайней мере в отечественной историографии, портрет С. Лещинского, в котором автор удачно избежал крайностей в характеристике этого польского короля и попытался объективно воссоздать его образ. Несколько обширных глав посвящено внутренней ситуации в Польше накануне войны. Целый раздел В. И. Герье уделил приезду в Варшаву русского посла Р. Г. Левенвольде в 1733 г. В целом в книге этого историка впервые в русской историографии складывается единый образ Войны за польское наследство, правда, лишь на её подготовительной и начальной фазах (до 1734 г.) [11].

Отношение России к планам раздела Польши европейскими державами в 1720-е – начале 1730-х гг. рассматривалось в статье крупного российского историка и социолога М. М. Ковалевского, написанной на материалах Королевского архива в Стокгольме (сейчас – Национальный архив Швеции) [12, с. 16–58].

Выдающийся русский историк С. М. Соловьев в своем многотомном труде «История России с древнейших времен» отдельную главу посвятил борьбе за польский престол в 1733–1735 гг.

Им был собран обширный фактический материал. Свою задачу историк видел в том, чтобы подробно изложить подоплеку конфликта, представить соотношения различных сил как в самой Польше, так и за ее пределами, в том числе в России [13, с. 323–337]. С. М. Соловьев так же, как и некоторые его предшественники, симпатизировал П. П. Ласси. Но при этом он отмечал сравнительно узкий кругозор генерала-ирландца, знавшего «только свое военное дело», и характеризовал его как «человека скромного и без связей при дворе» [13, с. 339]. В то же время, в отличие от Д. Ф. Масловского русский классик не противопоставлял его Б. Х. Миниху, которому также отдает должное. В его «Истории России» выписан яркий портрет этого полководца-немца на русской службе [13, с. 341–343].

Касаясь непосредственно военного конфликта, С. М. Соловьев в качестве главной причины временного успеха партии Лещинского называл несогласованность действий и внутренние разногласия среди русских политиков и военных [13, с. 338, 340]. Он всячески подчеркивал дружелюбие, по крайней мере, некоторых поляков по отношению к русской армии. С. М. Соловьев не ограничился описанием осады Данцига и подробно остановился на последующей борьбе в Польше, которая в его повествовании тонко переплетается с дипломатическими баталиями при различных европейских дворах и ролью в них русских политиков [13, с. 351–367].

Имеется также широкий круг работ, которые непосредственно не касаются Войны за польское наследство, но посвящены смежным с ней вопросам, в силу чего этот конфликт так или иначе в них упоминается. В данной статье эти работы будут опущены, поскольку они подробно рассмотрены в вышеупомянутом исследовании К. М. Белюкова [1].

О состоянии изученности вопроса на рубеже XIX–XX вв. красноречиво свидетельствует тот факт, что во многих работах по военной истории России XVIII в. Война за польское наследство даже не упоминается. В качестве примера можно привести «Курс истории русского военного искусства» полковника А. Байова. В специальном выпуске его многотомного труда, посвященного графу Б. Х. Миниху, ни осаде Данцига русским войсками под его командованием в 1734 г., ни другим военным операциям этой войны не уделено ни строчки, в то время как участию Б. Х. Миниха в русско-турецкой кампании 1735–1739 гг. отведена целая глава [14]. Аналогично обстоит дело и с подготовленным в 1911–1913 гг. коллективом военных историков и генералов Генерального штаба царской армии трудом «История русской императорской армии». Это издание было крупным проектом и, как отмечали его издатели, оно предназначалось «для просвещения не только русского офицерства, но и русского общества»

[15, с. 5]. В книге целый раздел посвящен отечественным вооруженным силам при Анне Иоанновне, обозначенный по аналогии со временем Петра I «эпохой Миниха». Авторы полагали, что по значимости для развития военного дела в России последний сыграл не меньшую роль, нежели великий царь-реформатор. Подробно характеризуя деятельность фельдмаршала Миниха, о его участии в Войне за польское наследство авторы даже не упомянули [15, с. 125–132].

Обошел вниманием Войну за польское наследство и крупнейший дореволюционный специалист по истории русского флота С. И. Елагин [16–18]. Другой военный историк того же времени Ф. Ф. Веселаго в своем обобщающем труде «Краткая история русского флота» ограничился лишь самым общим описанием боевых действий на море, известных из сочинений других авторов, а в работе «Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год» о Войне за польское наследство он вовсе не упомянул [19, с. 85–86]. Очевидно, к началу XX в. образ этого военного конфликта потускнел. Исследователи начали терять к нему интерес.

В советский период исследование Войны за польское наследство практически не получило развития. В самых общих чертах она освещается в первом томе «Истории дипломатии», вышедшем в 1941 г. Причины конфликта сводятся к весьма сомнительному субъективному фактору: французский король Людовик XV был тестем С. Лещинского, и если бы последний не удержался на польском престоле, то возникла бы ситуация, когда супругой французского монарха оказалась бы простолюдинка. «Так, война, – утверждают авторы, – которую собралась навлечь на себя Франция поддержкой кандидатуры Лещинского на польский трон, имела свои основанием королевское тщеславие» [20, с. 256]. Кроме того, в этом коллективном труде допущена серьезная ошибка: плененный российским адмиралом Т. Гордоном французский десант, высадившийся под Данцигом в 1734 г., был отправлен в Кронштадт, и лишь позднее – в Петербург [20, с. 256]. В то же время авторы раздела «Дипломатия европейских государств в XVIII веке» рассматриваемого труда профессора С. В. Бахрушин и С. Д. Сказкин впервые обратили внимание на то, что в этот период в Польше была сильна не только группировка сторонников Лещинского, о чем много писали ранее, но и партия его противников. Они же отмечали, что Война за польское наследство стала важным уроком для французского правительства, как «опасно для него пренебрегать русской дружбой» [20, с. 256].

В том же 1941 г. вышла статья советского ученого Я. Я. Зутиса, посвященная балтийскому вопросу в истории России. Несмотря на то, что в подзаголовке публикации хронологические рамки заданы промежутком между Полтавским сражением и Семилетней войной, автор подробно

рассматривал предпосылки и причины соперничества великих держав в этом регионе в Средние века и Ранее Новое время. В исследовании тщательно изложена многовековая борьба Руси, а затем Московского государства за выход к Балтике, дипломатия Петра I в этом вопросе, Голштинский кризис 1720-х гг., отношения Петербурга с Великобританией и Францией в 1730–1750-х гг. в связи с балтийской торговлей. Однако за множеством этих проблем Я. Я. Зутисом оказалась потерянной Война за польское наследство [21].

Ей же уделено весьма скромное место в 8-м томе «Очерков истории СССР». Авторами раздела «Война за “польское наследство” (1733–1735) и взаимоотношения России с великими державами в первой половине 30-х годов XVIII в.» был привлечен обширный пласт документов, в первую очередь архивных (среди них – материалы из фонда «Шведские дела» Архива внешней политики России – сейчас Архива внешней политики Российской империи), бумаги российского вице-канцлера А. И. Остермана, переписка представителей иностранных государств, аккредитованных в Петербурге, публикации международных конвенций, трактатов и других дипломатических документов. Однако, несмотря на столь внушительную источниковую базу, им не удалось сказать ничего принципиально нового по сравнению с дореволюционными историками. В книге все внимание сконцентрировано на дипломатии и международных отношениях и совершенно игнорируется военная сторона событий [22, с. 355–362].

Свообразным мостом между советской и постсоветской историографией являются исследования известного специалиста по эпохе Петра I – Н. И. Павленко. Для данной статьи особый интерес представляет его работа по более позднему периоду – «Анна Иоанновна (Немцы при дворе)». В монографии сквозь призму влияния придворных немцев на русскую императрицу рассмотрены различные стороны ее правления, в том числе войны и внешняя политика. Историк всячески подчеркивает полное отсутствие у Б. Х. Миниха полководческих способностей, а также пагубное влияние разногласий между ним и А. И. Остерманом на ведение дел в важнейших сферах государственной жизни. Последний считал главной потенциальной союзницей Австрию, у которой с Россией были общие враги – Турция и Франция. Со своей стороны, Б. Х. Миних «полагал, что нет более выгодного союзника для России, чем Франция» [23, с. 299].

В рассматриваемой книге приводится любопытная характеристика польского короля и саксонского курфюрста Августа III: «Он был холoden и молчалив, часто пребывал в смятении, иногда беспричинно громко смеялся», «был ленив, проявлял страсть к пошлым удовольствиям: маскарадам, турнирам, стрельбе в цель» [23, с. 301]. В целом, автор приходит к выводу, что русское

правительство в политической борьбе привело к власти в Польше весьма ничтожную личность. В то же время историк справедливо отмечает большую популярность С. Лещинского в Польше [23, с. 302–303]. В конечном счете ответственность за развязывание войны Н. И. Павленко возлагает на польских магнатов и шляхту, «доведших страну до такого экономического и политического упадка, который позволял более сильным соседям и отдаленной от нее Франции вмешиваться в ее внутренние дела» [23, с. 304]. Кроме того, по мнению историка, другой причиной поражения сторонников Лещинского является их ошибочная внешнеполитическая ориентация. Автор монографии справедливо замечает, что сторонники Лещинского могли рассчитывать только на внешнюю помощь, «ибо в самой Польше силы, способные оказать сопротивление русским войскам, отсутствовали» [23, с. 306]. Но, в то же время они переоценивали заинтересованность Франции в их поддержке. Касаясь последней, Н. И. Павленко признает ранее высказывавшиеся субъективные факторы, связанные с личностью короля Людовика XV и его супруги. Главную же причину автор видит в нежелании Версаля на начальном этапе войны развязывать открытые боевые действия против Российской империи [23, с. 306]. Швеция и Турция, несколько столетий вместе игравшие роль «восточного барьера» Франции, также ничем не могли помочь полякам. Ресурсы первой были столь ограничены, что ее «правительство испытывало трудности, чтобы содержать турецкого посла и его свиту, прибывших в Стокгольм для переговоров о согласованных действиях против России» [23, с. 306]. Турция также оказалась не способной помочь Лещинскому, будучи занятой неудачной войной с Ираном [23, с. 306]. Касательно негативного мнения о Ласси и его действиях под Данцигом Н. И. Павленко впервые высказал предположение, что причиной тому было не бездействие генерала-ирландца, так как со своими немногочисленными силами иначе он и не мог поступить, а борьба в придворных кругах в Петербурге. В частности, историк утверждает, что за назначением Б. Х. Миниха главнокомандующим русскими войсками в Польше стояло давнее соперничество между ним и Бироном. Последний решил отдалить Б. Х. Миниха от двора Анны Иоанновны, отправив его воевать под Данциг, и лишить его таким образом влияния на императрицу [23, с. 307].

Заслуживают внимания отдельные замечания Н. И. Павленко. Так, он сообщает, что подкуп членов сейма практиковали обе стороны – и Франция, и Россия, однако последняя – в меньшей степени, отчасти из-за бедности, но главным образом потому, что «более полагалась не на деньги, а на дипломатию и военную силу» [23, с. 301]. Чрезвычайно любопытна полная ирония характеристика действий Б. Х. Миниха под Данцигом:

«Он постоянно гнался за славой, которая норовила от него ускользнуть» [23, с. 38]. Кроме того, Н. И. Павленко открыто признает провал Б. Х. Миниха под Данцигом. По мнению ученого, главной задачей было не взятие этого города, а пленение С. Лещинского [23, с. 308, 311]. Так, интересен приводимый историком факт, что Б. Х. Миних настолько был убежден в эффективности своих действий по блокаде Данцига, что, получив первую весть о побеге Лещинского, не поверил ей и даже написал об этом Анне Иоанновне. Автор монографии отмечает пробел в источниках, касающийся бегства Лещинского из Данцига, и то, что в его «тайном исчезновении из города многое неясного, и отечественные источники не позволяют дать исчерпывающий ответ» [23, с. 309]. Интересно предположение Н. И. Павленко, что к побегу злосчастного польского короля-изгнанника был причастен сам Б. Х. Миних, за что он от поляков якобы «получил значительный куш» [23, с. 309–310]. Одним из первых этот историк отметил субъективность такого источника, как реляции Б. Х. Миниха в Петербург. По словам исследователя, главнокомандующий русскими силами под Данцигом даже самые скромные успехи своим «умелым пером» превращал «в успех первостепенной важности» [23, с. 310]. В целом Н. И. Павленко, хотя и признает факт победы России в Войне за польское наследство, одним из первых отмечает огромные потери – не менее 8 тыс. солдат [23, с. 311].

Основные события Войны за польское наследство нашли отражение в монографии современного петербургского историка Е. В. Анисимова «Анна Иоанновна. От герцогини к императрице». В освещении этого военного конфликта он впервые уделяет особое внимание любопытному источнику – «Петербургским ведомостям», пытаясь реконструировать, как формировалось представление об этом конфликте у рядовых россиян. Автор отклоняет ранее распространенную трактовку причин вмешательства в польский вопрос Людовика XV, якобы вызванных сугубо субъективными или династическими факторами: «Франция намеревалась поддержать Станислава, исходя не только из родственных чувств своего короля, но и имперских интересов» [24, с. 235]. Также Е. В. Анисимов подчеркивает, что на стороне Лещинского было абсолютное большинство «польской шляхты и многие сенаторы во главе с временным властителем государства – примасом, архиепископом Гнездно – Федором Потоцким» [24, с. 235]. В то же время автор справедливо отмечает, что главное в событиях 1733–1735 гг. заключалось в том, что «судьба Польши … решалась уже не в Варшаве», и «фигура Станислава как преемника Августа II на польском престоле была абсолютно неприемлема для Австрии и России» [24, с. 236]. С другой стороны, историк подчеркивает, что в немалой степени сложной

ситуации в Польше способствовали не только русские и австрийские штыки, но и разнмыслие в самом государстве: «почти сразу стало ясно, … что часть гонимых честолюбием и корыстолюбием польских вельмож выступят под тем или иным предлогом против избрания Станислава» [24, с. 338]. К этому автор добавляет традиционные противоречия между польской и литовской знатью [24, с. 238]. Наконец, в книге «Анна Иоанновна. От герцогини к императрице» представлена яркая картина избрания Лещинского польским королем в 1733 г., а также не менее любопытные зарисовки отдельных сражений [24, с. 238, 240–242].

В монографии О. Г. Агеевой «Императрица Всероссийская Анна Иоанновна» также уделяется внимание Войне за польское наследство. В частности, в ней отмечены успехи России на основных направлениях внешней политики накануне этого международного конфликта [25, с. 74]. Исследовательница наряду с Н. И. Павленко является одной из немногих, кто подчеркивает крайнюю посредственность Августа III и как политика, и как личности [25, с. 75]. О. Г. Агеева связывает успех Миниха под Данцигом с тем, что тот по-немецки правильно организовал обстрел города и его укрепленных предместий [25, с. 77]. Кроме того, она обращает внимание на огромную цену победы России в этой войне – 8 тыс. погибших солдат и офицеров. Тем не менее, в целом общий итог войны оценивается как положительный [25, с. 77].

Известный российский историк И. В. Курукин в своей книге «Анна Иоанновна» также касается сюжетов, связанных с Войной за польское наследство. В частности, он отмечает, что при Анне Иоанновне в русском правительстве произошел «отказ от дальнейшей экспансии на Балтике» (в этой связи рассматривается и деятельность созданной по приказу императрицы Воинской морской комиссии, пересмотревшей петровскую программу по строительству Балтийского флота, главное внимание которой ранее уделялось созданию военных кораблей крупных рангов) в пользу «утверждения российского влияния в соседней Польше и активных действий против Турции и Крыма» [26, с. 342–343]. Вообще, военную ситуацию, возникшую в Центральной Европе в связи с польским кризисом, начавшимся в 1733 г., И. В. Курукин рассматривает как первую проверку недавно возникшего русско-австрийского союза на прочность [26, с. 343]. Он же приводит любопытные биографические сведения о героях Войны за польское наследство с русской стороны – П. П. Ласси и Б. Х. Минихе [26, с. 299–301]. Особый интерес представляют сообщения И. В. Курукина о том, что русские солдаты из царской армии, отправленной в 1735 г. на Рейн, на новых землях встретились не только с отсутствием крепостничества, но и в целом с более высоким уровнем жизни. В связи с этим в их рядах началось массовое дезертирство [26, с. 343–344].

Среди современных российских историков дипломатическая сторона Войны за польское наследство в контексте русско-австрийских отношений рассматривается в книге С. Г. Нелиповича «Союз двухглавых орлов». В работе на основании широкой источниковской базы, в том числе на материалах трех архивов (Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива) рассматривается развитие международных отношений в Европе с начала XVIII в., создается многогранная картина того, как Россия и Австрия через различные комбинации союзов и их расторжение постепенно шли навстречу друг другу. Отдельная глава посвящена вопросу о политической судьбе Речи Посполитой в отношениях Петербурга и Вены. Автор работы полагает, что масштаб общеевропейской войны конфликт за польский трон принял из-за вмешательства не России и Австрии, а, в первую очередь, Франции [27, с. 124]. По мнению С. Г. Нелиповича, именно вмешательство России в австро-французскую войну «способствовало восстановлению мира в Европе» [27, с. 124].

В последние годы отечественные историки разрабатывают главным образом проблемы, не получившие освещение в предшествующей историографии. К. М. Белюкову и О. В. Саприкиной принадлежат статьи по историографии и источникам Войны за польское наследство [1, 2]. А. М. Столяров исследовал презентации событий этого военного конфликта в современных российских учебниках. Он приходит к выводу, что освещение Войны за польское наследство в них «в значительной степени не соответствует представлениям о ней в российской и зарубежной историографии и требует существенной корректировки» [28].

Б. С. Великанов на основании реляций главнокомандующего русскими силами в Польше фельдмаршала Б. Х. Миниха описал осаду им Данцига в 1734 г. [29].

Монография П. А. Кротова и М. О. Акишина посвящена ранее практически не изученной личности – вице-адмиралу Н. А. Сенявину, отличившемуся на службе в русских военно-морских силах [30].

Л. И. Ивонина предприняла попытку, в том числе на основании современной польской историографии, пересмотреть образ Станислава Лещинского [31].

С. А. Мезин впервые обратил внимание на описание французами, попавшими в русский плен под Данцигом, российской столицы – Петербурга. Он же опубликовал пространный фрагмент ценного источника – воспоминаний участника обороны Данцига, капитана французского Блеусского полка Ф. Ш. д'Агей де Миона [32]. В статье В. В. Познахирова нашли отражение правовые аспекты содержания французских военнопленных,

взятых адмиралом русского Балтийского флота Т. Гордоном под Данцигом в 1734 г. [33].

А. Б. Сидякин уделил внимание роли курляндского вопроса в Войне за польское наследство. Исследователь подчеркивает стратегическое положение герцогства и заинтересованность в контроле над ним в Петербурге [34].

Таким образом, отечественная историография Войны за польское наследство чрезвычайно богата и разнообразна. В дореволюционный период появился целый ряд фундаментальных работ на данную тему. Тогда же отмечался особый интерес исследователей как к сугубо военной стороне вопроса, так и к русской и европейской дипломатии того периода. Впрочем, часто в трактовке последней превалируют субъективные и этические факторы, что, как показала последующая историография, было ошибочным. Кроме того, именно в период Империи у российских историков впервые возникает интерес к личностям как предводителей русских войск, так и Станислава Лещинского. В советский период Война за польское наследство мало интересовала отечественных исследователей. О ней упоминается лишь в нескольких общих работах, не вносящих ничего принципиально нового в научное представление об этом конфликте. В постсоветской историографии благодаря введению в научный оборот широкого круга новых источников получило распространение как более глубокое изучение уже намеченных предшественниками проблем, так и совершенно новые направления исследований.

Следует отметить работы по историографии и источникам, различным правовым и территориальным вопросам, появление биографий участников событий, которые ранее оставались в тени. Подводя итог, следует констатировать, что на современном этапе назрела необходимость в создании обобщающей монографии, в которой бы со всей полнотой освещались все имеющиеся на настоящее время достижения в данной области.

Список литературы

1. Белюков К. М. Война за «польское наследство» 1733–1735 гг. в трудах историков Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 1 (87). С. 11–18. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.2>
2. Белюков К. М., Саприкина О. В. Русские дневники и мемуары о войне за Польское наследство (1733–1735) как исторический источник // Научный диалог. 2018. № 4. С. 259–278. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-4-259-278>
3. Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии : в 3 ч. СПб. : Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества, 1823. Ч. 3. 154 с.

4. Миних И. Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII века: записки и замечания графа Эрнста Миниха. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1891. 339 с.
5. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России : в 3 вып. СПб. : Академия Генерального штаба, 1891. Вып. 1. 356 с.
6. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей : в 4 т. М. : Рипол Классик, 1998. Т. 4. 540 с.
7. Устрилов Н. Г. Русская история до 1855 года. Петрозаводск : Корпорация «Фолиум», 1997. 957 с.
8. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 4 ч. Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М. : Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. 303 с.
9. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 4 ч. Ч. 2 (Германия и Италия). М. : Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. 271 с.
10. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 4 ч. Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М. : Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 319 с.
11. Герье В. И. Борьба за польский трон в 1733 году. Историческая диссертация, составленная по архивским источникам. М. : Типография В. Грачева и К., 1862. 167 с.
12. Ковалевский М. М. Взгляд на историю русской дипломатии в Швеции: (на основании данных Королевского архива в Стокгольме) // Юридический вестник. М., 1887. Т. 25, кн. 1. С. 16–58.
13. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 23 кн. М. : Мысль, 1993. Кн. 10, т. 20. 751 с.
14. Байов А. Курс истории русского военного искусства : в 7 вып. Вып. 3 : Эпоха Миниха (Царствование императрицы Анны Иоанновны). СПб. : Типография Гр. Скачков с С-ми, 1909. 91 с.
15. История русской императорской армии / под ред. С. В. Потрашкова. М. : Эксмо, 2022. 800 с.
16. Елагин С. И. История русского флота. Воронеж : Типография Комиссионера Императорской Академии художеств, Гогенфельдена и Ко, 1864. 412 с.
17. Елагин С. И. Начало Кронштадта. Кронштадт : Б. и., 1866. 31 с.
18. Елагин С. И. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702–1725. СПб. : Типография Морского ведомства, 1867. 74 с.
19. Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота : в 2 вып. СПб. : Типография В. Демакова, 1893. Вып. 1. 302 с.
20. История дипломатии : в 3 т. / под ред. В. П. Потемкина. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1941. Т. 1. 566 с.
21. Зутис Я. Я. Балтийский вопрос в политике великих держав: (От Полтавской битвы до Семилетней войны) // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 66–80.
22. Очерки истории СССР : в 9 т. Т. 8 : Россия во второй четверти XVIII в.; Народы СССР в первой половине XVIII в. / под ред. А. И. Барановича, Л. Г. Бескровного, Е. И. Заозерской, Е. И. Индовой. М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. 866 с.
23. Павленко Н. И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). М. : АСТ-Пресс Книга, 2002. 384 с.
24. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. От герцогини к императрице. М. : Молодая гвардия, 2017. 362 с.
25. Агеева О. Г. Императрица Всероссийская Анна Иоанновна. М. : Комсомольская правда, 2015. 95 с.
26. Курукин И. В. Анна Иоанновна. М. : Молодая гвардия, 2014. 430 с.
27. Нелипович С. Г. Союз двухглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М. : Квадрига, 2010. 408 с.
28. Столяров А. М. Репрезентация «войны за польское наследство» 1733–1735 годов в современных российских учебниках по истории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 6 (68) : в 2 ч. Ч. 2. С. 174–177.
29. Великанов В. С. Война за Польское наследство 1733–35. Борьба в Польше и участие России в данном конфликте // Воин. 2005. № 18. С. 42–51.
30. Кротов П. А., Акишин М. О. Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738). СПб. : Историческая иллюстрация, 2022. 308 с.
31. Ивонина Л. И. Станислав Лещинский в борьбе за польский трон в 30-е годы XVIII века // Honoris cause : сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Владимира Сергеева / сост. и отв. ред. И. О. Дементьев. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 145–153.
32. Мезин С. А. Россия и Петербург 1734 года в записках д'Агей де Миона // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен : сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятных / отв. ред. Т. В. Базарова, М. Е. Прокурякова. СПб. : Историческая иллюстрация, 2019. С. 334–362 (Сер. «Труды Санкт-Петербургского института истории РАН»).
33. Познахирев В. В. Особенности правового статуса военнослужащих французского экспедиционного корпуса, интернированного в Россию в 1734 г. // Военно-юридический журнал. 2018. № 2. С. 11–15.
34. Сидякин А. Б. Война за польское наследство и курляндский трон для Э. И. Бирона: история одного говора // Acta Eruditorum. 2013. № 3. С. 72–75.

Поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025